

Библиотека
психоанализа

Роберт
Д. Столору

Травма и человеческое существование

*Автобиографические,
психоаналитические
и философские
размышления*

Роберт Д. Столороу
Травма и человеческое
существование.
Автобиографические,
психоаналитические и
философские размышления
Серия «Библиотека психоанализа»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67642185
Р. Д. Столороу. Травма и человеческое существование.
Автобиографические, психоаналитические и философские
размышления: Когито-Центр; Москва; 2016
ISBN 978-0-88163-467-9, 978-5-89353-463-4

Аннотация

В данной книге Роберт Столороу продолжает разработку теории intersубъективных систем (см.: Столороу Р. и др. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М.: Когито-Центр, 1999) применительно к проблеме психической травмы. Для концептуализации феномена психической травмы автор прибегает к понятиям континентальной философии, таких ее направлений, как феноменология, герменевтика и

экзистенциальная аналитика Мартина Хайдеггера. Особого внимания заслуживает обращение автора к опыту страдания и излечения от собственной травмы, связанной с внезапной смертью жены. Представленная в книге концепция эмоциональной травмы должна помочь аналитикам лучше понять субъективные состояния травмированных клиентов и убедить их в необходимости обеспечивать «эмоциональный приют» для травматичных переживаний.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	9
1. Контекстуальность эмоциональной жизни	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роберт Столороу
Травма и человеческое
существование.
Автобиографические,
психоаналитические
и философские
размышления

Robert D. Stolorow

Trauma and Human Existence. Autobiographical,
Psychoanalytic and Philosophical Reflections

© Taylor & Francis Group, LLC, 2007

Routledge Mental Health is an imprint of Taylor & Francis
Group

© Когито-Центр, 2016

* * *

Бегущей Эмили

Философия – это... бескомпромиссная борьба человеческого существования с тьмой, которая может окутать нас в любой момент этого существования.

И каждое новое прояснение открывает свои бездны.

Все творческие действия нуждаются в меланхолическом настроении.

Философия пребывает в полном созвучии с меланхолией.

Мартин Хайдеггер

Предисловие к русскому изданию

Для меня представляет особое удовольствие написать предисловие к русскому изданию моей книги «Травма и человеческое существование», поскольку для моего эмоционального мира очень важны мои русские корни. Мой дедушка по отцовской линии бежал из царской армии, чтобы быть вместе с моей бабушкой, огромной любовью всей его жизни. Они покинули Россию, обосновавшись в конце концов в Соединенных Штатах Америки. Я никогда не забуду историю их удивительного романа, историю, ставшую ярким романтическим идеалом, центральным, организующим принципом моей эмоциональной жизни. В соответствии с этим идеалом, главным «клиническим» примером в этой книге являются мои собственные травматические переживания – потери моей жены Деде.

В этой книге я осветил два существенных качества эмоциональной травмы: 1) ее контекстуальную укорененность – болезненные и пугающие эмоции становятся травматичными лишь тогда, когда не могут найти контекст эмоционального понимания, в котором они могут быть удержаны и интегрированы, и 2) ее экзистенциальную значимость – эмоциональная травма разрушает наши иллюзии безопасности и погружает нас в подлинное Бытие-к-смерти, в котором мы вынуждены столкнуться с нашей собственной конечностью,

а также с конечностью всех тех, кого мы любим. Кроме того, я описал воздействие травмы на наше переживание времени, а также чувство отчужденности от других, сопровождающее травматическую темпоральность¹.

Основным терапевтическим подходом к травме становится предоставление клиенту отношений, главной особенностью которых является наличие глубокого эмоционального понимания – отношений, которые возможны благодаря нашей общей экзистенциальной уязвимости. В последующих публикациях (напр., Stolorow, 2011), я утверждал, что признание нашей общей конечности имеет значительные этические последствия, поскольку побуждает или даже обязывает нас заботиться также и о чужой экзистенциальной уязвимости и боли. Наше экзистенциальное родство-конечности преодолевает все географические расстояния, национальные границы, а также все этнические и религиозные различия.

Роберт Столору

Санта-Моника, Калифорния, 25 июня 2015

¹ Темпоральность – термин феноменологии и экзистенциализма, обозначающий субъективноокрашенное переживание времени как фундаментальное свойство человеческой природы.

Предисловие

В этой книге переплетаются две основные темы. Первая тема относится к контекстуальности эмоциональной жизни в целом и переживанию эмоциональных травм в частности (гл. 1, 2, 5). Другая касается признания того, что возможность эмоциональной травмы является неотъемлемой частью человеческого существования (гл. 3, 4 и особенно 6). Будет ли подобная конститутивная возможность вынесена на передний план нашего эмпирического мира, зависит от контекстов отношений, в которых мы живем (гл. 7). В последующих главах я прослеживаю переплетение этих двух тем по большей части так, как они кристаллизуются в моем понимании собственных переживаний травматических потерь. В целом книга демонстрирует единство глубоко личного, теоретического и философского в том итоговом представлении, к которому я пришел, пытаясь понять эмоциональную травму и ее место в человеческом существовании.

Я бесконечно благодарен членам моей семьи и близким друзьям, которые эмоционально поддерживали меня в моем переживании травматичной потери, а также помогли мне жить с ним, думать и писать о нем. Это: Элизабет Атвуд, Джордж Атвуд (гл. 7), Джоан Бишоу, Елена Бонн, Бернард Брандшафт, Джоэль Браун, Беатрис Фостер, Клаудиа Конер, покойный Джон Линдон, Шейла Намир, Донна Оранж, Ли-

за Ричи, Ричард Розенштейн, Джулия Шварц (гл. 5), Эстелла Шейн, Александра Сокаридес, Ричард Сокаридес, Бенджамин Столороу, Эмили Столороу, Ричард Столороу, Стефани Столороу и Джеффри Троп. Я также глубоко признателен Джорджу Атвуду, Уильяму Брекену, Бернарду Брандшафту, Донне Оранж, Джулии Шварц и покойной Дафне Столороу за их вклад в развитие собранных здесь идей. Без неизменной поддержки моей жены, Джулии Шварц, которую она зачастую оказывала даже невзирая на собственную эмоциональную боль, я не смог бы написать эту книгу.

Глава 5 впервые была опубликована в журнале «Contemporary Psychoanalysis» (2006, V. 42 (2), p. 233–241), гл. 3, 4 и 6 – в журнале «Psychoanalytic Psychology» (1999, V. 16 (3), p. 464–468; 2003, V. 20 (1), p. 158–161; 2007, V. 24 (2), p. 373–383, соответственно). Я благодарен редакторам и издателям этих журналов за разрешение включить этот материал в данную книгу.

1. Контекстуальность эмоциональной жизни

*Не бывает просто субъекта, без мира.
Мартин Хайдеггер*

Центральной темой теории интерсубъективных систем – психоаналитического направления, которое я с моими коллегами разрабатывали в течение трех десятилетий (Stolorow, Atwood, Ross, 1978; Stolorow, Atwood, Orange, 2002), – является та мысль, что смещение акцента психоаналитического мышления с главенства влечений на главенство аффектов переводит психоанализ в область феноменологического контекстуализма (Orange, Atwood, Stolorow, 1997) и фокусирует исследование на динамическом интерсубъективном поле (Stolorow, 1997). В отличие от влечений, берущих свое начало глубоко внутри картезианского «изолированного разума», аффекты, т. е. субъективные эмоциональные переживания, в течение всей жизни, с самого рождения регулируются (или нарушаются) в рамках текущих систем отношений. Таким образом, определение аффекта как центра психической жизни автоматически влечет за собой радикальную контекстуализацию практически всех ее аспектов.

Традиционная фрейдистская теория проникнута картезианским «мифом об изолированном разуме» (Stolorow,

Atwood, 1992, ch. 1). Философия Декарта раздваивает субъективный мир на внутреннюю и внешнюю области, отделяя как сознание от тела, так и познание от аффекта, овеществляя и абсолютизируя полученные в результате этого разделения понятия и изображая сознание как объективную сущность, которая занимает свое место среди других объектов, как «мыслящую вещь», имеющую в себе все свое содержание и взирающую на внешний мир, от которого она сущностно отчуждена. Пожалуй, самый важный философский вызов картезианскому субъект-объектному разделению был брошен Хайдеггером (Heidegger, 1927). По разительному контрасту с отделенным от мира субъектом Декарта, для Хайдеггера бытие человеческой жизни изначально встроено «в-мир». На взгляд Хайдеггера, человеческое «бытие» насыщено миром, в котором оно пребывает, так же как и жизненный мир пропитан человеческими смыслами и ценностями. В свете этой фундаментальной контекстуализации особенно примечательным является рассмотрение Хайдеггером человеческих аффектов.

Для обозначения экзистенциального фундамента аффективности (чувств и настроений) Хайдеггер использует термин *Befindlichkeit*, схватывая этим характерным для его стиля громоздким существительным базовое измерение человеческого существования. Буквально это слово может быть переведено как «само-чувствие» (how-one-finds-oneself-ness). Как отметил Джендлин (Gendlin, 1988), этот термин обозна-

чает одновременно как то, что человек чувствует, так и ситуацию, в которой он это чувствует, – чувствуемое ощущение себя в ситуации до картезианского разделения на внешнее и внутреннее. Для Хайдеггера *Befindlichkeit* – раскрывающая аффективность – это модус жизни, бытия-в-мире, глубоко встроенный в конститутивный контекст. Концепция Хайдеггера подчеркивает полную контекстную зависимость и контекстную чувствительность человеческой эмоциональной жизни.

Мой собственный интерес к аффективности начался с моей ранней статьи, написанной в соавторстве с моей покойной женой Дафной Сокаридес Столорой (Socarides, Stolorow, 1984/85), в которой мы попытались интегрировать нашу развивающуюся интерсубъективную теорию с базовыми положениями психологии самости Хайнца Кохута. В предложенных нами расширениях и уточнениях кохутовской концепции «объекта самости» (Kohut, 1971) мы утверждали, что «функции объекта самости имеют фундаментальное значение в интеграции аффекта» в организацию переживания самости и что потребность в связях с объектом самости «самым существенным образом относится к необходимости [созвучного] отклика на аффективные состояния на всех этапах жизненного цикла» (Socarides, Stolorow, 1984/85, p. 105). Обсуждение Кохутом потребности в отзеркаливании, например, было интерпретировано как указание на роль точного чувственного отклика в интеграции экспансивных аф-

фективных состояний, в то время как его описания голода по идеалу истолковывались как указание на важность созвучной эмоциональной поддержки и сдерживания в интеграции болезненных реактивных аффективных состояний. В той давней статье мы описали эмоциональные переживания как неотделимые от тех интерсубъективных контекстов настройки (или ее отсутствия), в которых они были прочувствованы.

Многочисленные исследования в области психологии развития и даже нейробиологии подтвердили центральную мотивационную важность аффективных переживаний, конституируемых в системе отношений «ребенок – воспитатель» (см. Beebe, Lachmann, 1994; Demos, Kaplan, 1986; Lichtenberg, 1989; Jones, 1995; Sander, 1985; Siegel, 1999; D. N. Stern, 1985). Понимание того факта, что аффективность (*Befindlichkeit*) имеет первоочередную важность в формировании мотивации, позволяет нам контекстуализировать широкий спектр психологических явлений, которые традиционно находились в фокусе психоаналитического исследования, таких как: психологический конфликт, травма, перенос и сопротивление, бессознательное, а также терапевтический эффект психоаналитической интерпретации. В той же статье, посвященной аффектам и функциям объектов самости, мы указывали на природу интерсубъективных контекстов, в которых формируются психологические конфликты: «Отсутствие устойчивых созвучных откликов на аффек-

тивные состояния ребенка приводит к... значительным отклонениям от оптимальной интеграции аффектов, а также к склонности к диссоциации или отрицанию аффективных реакций» (Socarides, Stolorow, 1984/85, p. 106). Психологический конфликт развивается, когда центральные аффективные состояния ребенка не могут быть интегрированы в силу того, что они вызывают несозвучные отклики воспитателей, носящие интенсивный или устойчивый характер (Stolorow, Brandchaft, Atwood, 1987, ch. 6). Подобные неинтегрированные аффективные состояния становятся источником пожизненного эмоционального конфликта и уязвимости по отношению к травматическим состояниям в силу того, что они переживаются как угроза одновременно и связной психологической структуре личности, и поддержанию жизненно важных связей. Таким образом, возникает необходимость в защите от аффектов.

С этой точки зрения травма развития может рассматриваться не как затопление инстинктами плохо оснащенного картезианского сосуда, а как переживание непереносимого аффекта. Кроме того, как я покажу в следующей главе, непереносимость аффективных состояний может быть понята только в свете тех систем отношений, в которых они проявлялись (Stolorow, Atwood, 1992, ch. 4). Травма развития возникает в рамках определенного intersубъективного контекста, главной особенностью которого является нечувствительность к болезненным аффектам, и, как следствие, рас-

пад диады «ребенок – воспитатель» как системы взаимного регулирования. Это приводит к потере ребенком способности интегрировать аффект и в результате – к невыносимым, перегруженным, дезорганизованным состояниям. Болезненные или пугающие аффекты становятся травматичными, когда сонастройка, в которой ребенок нуждается как в поддержке, способствующей переживанию этих аффектов, их контейнированию и интеграции, полностью отсутствует.

Одним из последствий травмы развития, понятым с точки зрения отношений, является то, что аффективные состояния приобретают устойчивый разрушительный характер. Из повторяющегося опыта несозвучных откликов ребенок выносит бессознательное убеждение в том, что стремление к развитию и болезненные эмоциональные состояния являются выражением вызывающего отвращение дефекта или присущей самому ребенку внутренней порочности. Это часто приводит к созданию защитного идеала самости, представляющего образ себя, очищенного от причиняющих боль аффективных состояний, которые воспринимались как нежелательные или угрожающие по отношению к воспитателям. Жизнь в согласии с этим очищенным от аффектов идеалом становится основным требованием для поддержания гармоничных связей с другими людьми, а также для сохранения самооценки. После этого появление запрещенного аффекта переживается как неспособность воплотить требуемый идеал, как проявление скрытой, внутренне присущей само-

му человеку дефективности и порочности и сопровождается чувством изоляции, стыда и ненависти к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.